

Хранитель маяка «Серена»

Старый маяк на мысу Корабельном давно не зажигал своего огня. Он стоял седой от птичьего помёта и морской соли, уткнув шпиль в низкое облачное небо. В посёлке ходили слухи, что в нём живёт призрак последнего смотрителя — старого капитана Леонтьева, который когда-то ушёл в море и не вернулся. Но для троих друзей - упрямого и бесстрашного Женьки, тихого мечтателя Славки и решительной Надьки — маяк был не призрачным, а самым что ни на есть реальным убежищем. Их «штаб – квартирой» стала круглая комната на самом верху, куда ещё долетали отзвуки штормов и крики чаек.

Однажды, разбирая завалы старых ящиков, Славка нашёл под половицей странный предмет. Это была не лупа, не компас и не подозрительная труба, а нечто среднее между всем этим - бронзовый цилиндр с запотевшими стёклами на обоих концах и сложным механизмом внутри.

— Это какая-то оптика, — уверенно заявила Надька, чей отец работал в порту.
— Но очень старая.

Женька взял прибор в руки. Цилиндр был на удивление тёплым. Он поднёс его к глазам и посмотрел в одно из стёкол на грязное окно маяка.

— Ничего не видно, — разочарованно сказал он.

Но Славка, всегда более внимательный к деталям, аккуратно повернул одно из бронзовых колец на корпусе. Раздался тихий щелчок. И тогда Женька ахнул и отшатнулся, словно его ударило током.

— Что? Что там? — заволновалась Надька.

Женька, не говоря ни слова, протянул ей цилиндр. Надька поднесла его к глазам, и её лицо вытянулось от изумления. Вместо грязного стекла и свинцового моря она увидела... солнечный день. Маяк был не руиной, а ослепительно белой башней с ярко-красной крышей. По небу неслись пушистые облака, а у подножия маяка, на ухоженной лужайке, стоял тот самый капитан Леонтьев — не старик, а

мужчина в расцвете сил, с трубкой в зубах и со смеющимися глазами. Он что-то говорил женщине в светлом платье, а вокруг них бегал маленький мальчик с деревянной лодочкой в руках. Это была не фотография. Это было окно в прошлое. Живое, дышащее.

— Это... хроноскоп, — прошептал Славка, придумав название на ходу. — Он показывает, что было.

С этого дня маяк стал для ребят не просто штабом. Он стал... машиной времени. Они по очереди дежурили у хроноскопа, записывая в общую тетрадь всё, что видели. Они наблюдали, как Леонтьев красил перила, как читал книжки на закате, как выходил ночью наверх, чтобы зажечь огромную лампу, чей свет был виден за двадцать миль. Они видели его последний день... как он уходил на своём катере «Серена» в предгрозовую мглу, как обернулся и помахал рукой маяку... своему дому. Они знали, что он... не вернётся.

Маяк стал для мальчишек живым существом. Они чувствовали его тоску. И поклялись стать его новыми хранителями.

Но однажды у подножия мыса появились чужие... Люди в касках и с синими чертежами. Они громко разговаривали, тыкали пальцами в башню и оставляли после себя битое стекло и консервные банки. Ребята подслушали их разговор: маяк собирались снести, чтобы освободить место для строительства очередной виллы какого-то богача. Тихий, почтительный ужас, который они испытывали, глядя в хроноскоп, сменился горячей, яростной решимостью. Они не позволят... не позволят стереть с лица земли память о капитане, о его семье, о тысячах кораблях, которых он вёл домой. Ребята пытались протестовать. Писали плакаты «Не трогайте наш маяк!», ходили в райсовет. На них смотрели с снисхождением. «Детские игры», — говорили взрослые.

И тогда они решились на отчаянный шаг. В ночь, когда бульдозеры должны были прийти на разведку, мальчики поднялись на самый верх маяка. Они взяли с собой хроноскоп.

Их план был безумен и прекрасен одновременно.

— Он показывал прошлое, — сказала Надька, её голос дрожал, но не от страха, а от уверенности. — А что, если он может... показать его сильнее? Всем?

Они встали в круг, как когда-то давали свою клятву. Женька направил хроноскоп не на окно, а на стены башни. Славка медленно поворачивал регулировочное кольцо. А Надька, глядя в окуляр, рассказывала им, что видит.

— Он зажигает огонь... — говорила она. — Я вижу свет! Настоящий!

И в ту же секунду тёмный силуэт маяка на мысу Корабельном пронзила не просто вспышка. Из его вершины ударил в небо ослепительный, чистый луч. Он был таким ярким, что осветил всю бухту, залил светом крыши домов, заставив спящих людей вскочить с постелей и подойти к окнам. Это был не электрический свет. Он был живым, тёплым, таким, каким его знали моряки много десятилетий назад. Бульдозеры на подъезде к мысу замерли. Люди в касках в ужасе отшатнулись, закрывая лица руками. Со стороны посёлка неслись возбуждённые крики.

А наверху маяка трое детей, взявшись за руки, смотрели, как призрачный, но такой настоящий свет капитана Леонтьева парил над морем. Они больше не смотрели в хроноскоп. Они чувствовали, как вся башня наполняется тихим, мощным гулом — гулом... возвращённой жизни.

Наутро о «чуде на мысу» трубили все местные газеты. Строительство вилл было заморожено. Маяк признали историческим памятником. А трое друзей, сидя в своей круглой комнате, смотрели на море. Хроноскоп лежал на столе, холодный и молчаливый. Его работа была сделана.

Ребята поняли, что настоящий маяк — это не камень и не стекло. Это память... И пока есть те, кто готов её хранить и защищать, его свет не погаснет никогда. Даже если огонь в лампе давно потух...